

A magical forest scene at night. A large, glowing full moon hangs in the sky, casting a soft light over the scene. In the center, a woman with long, flowing hair and a long, dark, ornate dress stands with her arms outstretched. She is surrounded by glowing, ethereal flowers and butterflies. The forest is filled with tall, dark trees and hanging lanterns that emit a warm, golden light. The overall atmosphere is dreamlike and mystical.

Елена Расс
«Фея
в
белых,
или
Бал
у
князя
Тьмы
с
оливье»

18+

Елена Расс

**«Фея в бегах, или Бал у
князя Тьмы с оливье»**

«Автор»

2026

Расс Е.

«Фея в бегах, или Бал у князя Тьмы с оливье» / Е. Расс —
«Автор», 2026

Бухгалтер Лика Лопухова мечтала только об одном: чтобы мама перестала сватать её за Вадика — менеджера по продажам холодильников. Но судьба (и старая брошь, купленная в переходе) распорядилась иначе. Чихнув в кладовке, Лика вываливается на балу в княжестве Тьмы — в тапках, зелёном свитере и с тазиком оливье наперевес. Местный князь Севастьян, мрачный перфекционист с горящими глазами, не рад хаосу. Его бывшая невеста Виола тут же объявляет Лику шпионкой Света. Спасаясь от погони, дуэли и киллера-мантикоры, бухгалтер выясняет: оливье — не просто салат, а ритуальное блюдо, способное раскрыть убийство двадцатилетней давности. Теперь Лике предстоит обхитрить коварную графиню, научиться летать (крылья растут с перебоями) и, кажется, влюбиться в самого опасного мужчину Тьмы. И всё это — к балу! Главное — не перепутать майонез с ядом и успеть до того, как оливье остынет.

© Расс Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Елена Расс

«Фея в бегах, или Бал у князя Тьмы с оливье»

Глава

Главная героиня: Лика Лопухова — 32 года, бывший бухгалтер, случайно попавшая в магический мир и обнаружившая, что она фея неопределённой специализации (крылья растут из лопаток, но с перебоем).

Герой: князь Тьмы Севастьян Грозович — высокий, brutальный, любит идеальный порядок, чёрный цвет и терпеть не может хаос (и оливье).

Антагонист: бывшая невеста князя — графиня Виола Вихрастая (чистокровная тёмная фея, манипуляторша).

Часть 1. «Сбежать от жениха, чтобы не есть студень»

Глава 1. «Сватья с батоном наперевес»

Если вы думаете, что худшее в жизни бухгалтера — это годовой отчёт, то вы глубоко ошибаетесь. Годовой отчёт сдаётся раз в год, а мать звонит каждое утро. Особенно когда ты разменяла третий десяток, работаешь в «ООО Рога и Копыта № 7 бухгалтерские услуги» и до сих пор не замужем.

— Лика! — голос мамы в трубке был такой звонкий, что с моей прикроватной тумбочки слетела кружка с остатками вчерашнего кофе. — Ты почему не отвечаешь? Я тебе жениха нашла!

Я промычала нечто нечленораздельное, попыталась нырнуть под подушку, но подушка, зараза, была плоская, как отчёт о нулевых доходах.

— Мамуль, мне на работу через сорок минут...

— Какая работа?! — возмутилась мама таким тоном, будто я предложила пойти торговать государственной тайной. — Ты, дочь, на диспансеризации. Я уже позвонила твоей Зинаиде Петровне, она всё поняла. Женское здоровье — это святое.

Зинаида Петровна — моя начальница. Мама звонила ей ровно два раза в жизни. Первый раз — когда мне было четырнадцать и я отказалась от борща на ужин (она решила, что у меня анорексия). Второй раз — сейчас.

— И кто на этот раз? — обречённо спросила я, понимая, что отмазка «диспансеризация» уже принята и обратной дороги нет.

— Вадик! — с придыханием выдохнула мама. — Ты только не пугайся сразу.

— Почему я должна пугаться?

— Потому что он менеджер по продажам холодильников. Но не простых, а «Атлант»! Слышишь? «Атлант»! Это вам не какая-то «Bosch»!

Я мысленно застонала. Моя мама делила мужчин на три категории. Первая — менеджеры среднего звена (годятся). Вторая — директора магазинов («высший пилотаж»). Третья — просто олигархи (таких, к сожалению, в нашем городе не водилось, только в телевизоре). Вадик из «Атланта» переползал из первой категории во вторую где-то на уровне морозильных камер.

— Мам, мне тридцать два года, я сама могу выбрать...

— Выбрала уже! — отрезала мама. — Помнишь твоего кота Ваську? Тоже выбрала! А он потом на шторы запрыгнул и порвал их! Мужчину надо выбирать душой, Лукерья!

Меня зовут Лика. Лукерьей меня никто не называет, кроме мамы, и только когда она очень зла или очень радостна. Сейчас был второй вариант.

— Короче, в два часа дня ты у памятника Ленину. Он тебя встретит. У него будет батон в руках, — добавила мама таинственным шёпотом.

— Батон? — переспросила я, решив, что ослышалась. — В смысле — батон хлеба?

— В смысле — знак. Он тебя раньше не видел, а ты — его. Фоток я вам не давала. Батон — это символ семейного благополучия. Я сама придумала!

Я закрыла глаза и мысленно представила себе ситуацию. Я иду к памятнику Ленину, ищу мужика с батоном. Рядом — бабки с семечками, пара гастарбайтеров, пьющих пиво, и Ленин с протянутой рукой. И посреди этого великолепия стоит менеджер по продажам холодильников и держит батон наперевес, как меч короля Артура.

— Мама, я не пойду, — сказала я твёрдо.

— Пойдёшь! — ещё твёрже ответила мама. — Или я приеду к тебе сама. С ночёвкой. И буду варить тебе студень.

Студент был последним аргументом, который мама использовала в самых критических ситуациях. Она знала, что я ненавижу студень. Не просто «не люблю», а с детства. Дрожащая масса с кусками мяса и морковными звёздочками вызывала у меня такой же ужас, как у нормальных людей — пауки или налоговые проверки.

— Всё, я согласна, — сдалась я. — Где Ленин, во сколько, что надеть?

— Ленин в центре, как обычно. В два. Надеть — что хочешь, но не чёрное. Ты и так бледная, как поганка. И приготовь что-нибудь к чаю, он после работы зайдёт к тебе знакомиться.

Мама сбросила звонок раньше, чем я успела возразить.

Я уставилась в потолок. В потолке, как назло, была трещина в виде профиля Чарли Чаплина. Я решила, что это знак. Но к чему — пока не поняла.

Следующие два часа прошли в лихорадочной попытке привести себя в порядок. Чёрное платье? Мама запретила. Красное? Буду похожа на пожарную машину. Коричневое? Сольюсь с Лениным — у него пальто тоже когда-то было коричневым.

Я остановилась на зелёном свитере и джинсах. Надеюсь, Вадик оценит мой природный стиль. Кто я вру? Надеюсь, Вадик просто не упадёт в обморок.

Зачем я вообще согласилась на этот цирк? Ах да, студень.

В двенадцать часов я открыла кладовку, чтобы достать зонт (на улице моросило, как по заказу самого депрессивного режиссёра мира), и тут произошло нечто странное.

В кладовке у меня хранилось всё, что не влезло в шкафы: лыжи (я на них каталась два раза в 2008-м), старый уют, который греет через раз, коробка с новогодними игрушками, пахнущая мандаринами и детством, и... брошь.

Я про неё совсем забыла.

Брошь лежала на верхней полке, заваленная пыльными журналами «Лиза». Я купила её в переходе метро полгода назад у цыганки. Цыганка говорила, что брошь старинная, магическая, исполняет желания. Я купила, потому что брошь была красивая: чёрный камень в серебряной оправе, похожий на кошачий глаз, только с красным отливом. И стоила копейки — сто рублей. Я тогда ещё подумала: «Мне бы сто рублей, чтобы желание исполнилось, а не брошь».

Но брошь я взяла. Дома положила на полку и забыла.

И сейчас, когда я потянулась за зонтом, случайно задела эту брошь, и она упала на пол.

— Чтоб тебя, — буркнула я, нагибаясь.

Как только мои пальцы коснулись холодного металла, я чихнула.

Не просто чихнула, а так, что в ушах зазвенело. Аллергия на пыль, ничего удивительного.

Удивительное началось после.

Пол под моими ногами пошёл волнами, как будто я стояла не на бетонной плите хрущёвки, а на резиновом плоту в шторм. Стены кладовки задрожали, с полок посыпались журналы, лыжи жалобно звякнули, а в углу возникло... пятно.

Фиолетовое пятно, которое пульсировало и росло.

— Мамочки, — сказала я, потому что умнее ничего в голову не пришло.

Пятно превратилось в воронку. Нет, не как в унитазе. Как в кино про путешественников во времени. Воронка светилась, искрилась и пахла... оливье?

Я хотела отшатнуться, но в этот момент с кухни раздался звонок телефона. Мама, наверное, проверяет, вышла ли я к Ленину.

— Не сейчас! — крикнула я в сторону кухни, но воронка, видимо, решила, что кричу я ей.

Она дёрнулась, схватила меня за ноги и потянула внутрь.

И вот тут самое глупое.

Когда тебя засасывает в фиолетовую воронку, нормальный человек хватается за что-нибудь тяжёлое. За дверной косяк, за батарею, за унитаз в конце концов.

Я схватилась за тазик с оливье.

Да-да, тот самый тазик. Я приготовила оливье на корпоратив в пятницу. Нарезала всё, заправила майонезом, убрала в холодильник. А сегодня утром достала, потому что... ну, потому что Зинаида Петровна велела принести салат на отдельном блюде, а отдельного блюда у меня не было, только тазик.

И вот я лечу сквозь фиолетовую воронку, прижимая к груди тазик с оливье, в зелёном свитере, джинсах и домашних тапках, и ору так, что, наверное, слышно в соседней галактике.

— Я НЕ ХОЧУ ЗАМУЖ ЗА ВАДИКА-ХОЛОДИЛЬНИК! И СТУДЕНЬ ЕСТЬ НЕ БУДУ!

Воронка выплюнула меня с такой силой, что я пролетела кувырком, приземлилась на что-то твёрдое и холодное, и сверху меня накрыло... музыкой? Нет, это не музыка. Это была какофония. Скрипки, флейты, и какой-то мужик басом пел на непонятном языке.

Я открыла глаза.

Я лежала на полу. На полу из чёрного мрамора, который блестел так, будто его натирали ежесекундно. Надо мной был потолок — высокий, сводчатый, расписанный фресками, где какие-то существа в чёрных балахонах дубасили друг друга молниями. Вокруг стояли люди.

Точнее, не совсем люди. У некоторых были крылья. Летучих мышей. У некоторых — клыки, торчащие из-под губ. У одной дамы в платье с корсетом — такой вырез, что я застеснялась. Сама я в сравнении с ней выглядела как воробей после ливня.

И все они смотрели на меня.

А я сидела на полу, в тапках, и держала в руках тазик с оливье, из которого, пока я летела, половина рассыпалась по моему зелёному свитеру и чёрному мрамору.

Тут музыка резко оборвалась. Баритон замолк на полуслове.

И тяжёлая, давящая тишина повисла в зале.

Я подняла голову.

Прямо напротив меня, на троне из чёрного дерева (и черепов? кажется, я видела череп!), восседал мужчина.

О, это был мужчина.

Чёрные волосы до плеч, бледная кожа, острые скулы, и глаза — тёмно-серые, почти чёрные, с красными искрами. На нём был длинный плащ из чего-то дорогого и блестящего, а под плащом — камзол с серебряной вышивкой.

Он смотрел на меня так, будто я — таракан в его супе.

Потом перевёл взгляд на оливье, рассыпанное по его идеальному полу.

И сказал голосом, от которого у меня мороз пошёл по спине — а в кладовке было не холодно, кстати:

— Что это.

Это даже не был вопрос. Это был приговор.

Я открыла рот, закрыла, набрала воздуха и сказала первое, что пришло в голову:

— Оливье. Хотите? Майонез «Провансаль», колбаса варёная, горошек, огурцы солёные. Яйца, правда, переварила, но вкус всё равно нормальный.

Тишина стала ещё тяжелее. Кто-то из гостей икнул.

А мужчина на троне медленно, очень медленно прикрыл глаза.

И спустя несколько ударов сердца, которые я отсчитывала по своему грохочущему пульсу, произнёс:

— Стража. Схватить... это.

И вот тут я поняла, что мои проблемы с Вадиком-холодильником были просто детским лепетом по сравнению с тем, что меня ждёт здесь.

Но самое обидное — мама всё равно будет права. Она скажет: «Я же говорила, не носи ты этот зелёный свитер!»

Глава 2. «Попаданка с недочётом»

Стража появилась из ниоткуда. Трое мужчин в чёрных доспехах, с мечами наголо. Их лица скрывали шлемы с забралами в виде оскаленных морд, но я была готова поклясться, что

под шлемами они улыбаются. Ещё бы — разнообразить скучный бал феей в тапках с оливье на свитере — это вам не каждый день выпадает.

— Не трогайте меня руками! — заорала я, отбиваясь тазиком. Тазик, кстати, был пластмассовый, розовый, с надписью «Хозяюшка». Мама подарила на Новый год, со словами: «Нормальные женщины салаты в тазиках делают, а не в кастрюлях».

Один стражник попытался схватить меня за локоть, и я со всей дури заехала ему тазиком по шлему. Раздался звон, как от удара в колокол. Стражник охнул и пошатнулся.

— Держите её! — рявкнул кто-то из толпы.

— А вы не лезьте! — заорала я в ответ, одновременно пытаюсь подняться на ноги, поскользнулась на собственном оливье и снова шлёпнулась на мрамор. Теперь зелёный свитер украшала ещё и морковь.

— Князь, — раздался томный женский голос из толпы. — Это что за балаган? Вы пригласили... это... вместо развлечения?

Я повернула голову и увидела её. Женщина, которая говорила. И сразу поняла: вот это настоящая героиня этого мира, а я тут так, букашка подзаборная.

Она была высокая, стройная, в платье такого чёрного цвета, что он, казалось, впитывал свет. Волосы — тёмно-синие, как вороново крыло, завиты в сложную причёску, украшенную гребнем с рубинами. Глаза — фиолетовые. Фиолетовые, Карл! А мои — серо-буро-малиновые в крапинку.

— Виола, — холодно произнёс князь. — Я не приглашал. Это... вторжение.

Виола. Запомним имя. Потому что эта женщина смотрела на меня так, будто я сейчас умру, и она лично будет наблюдать за процессом с креветкой в руке.

— Вторжение? — Виола рассмеялась. Мелодично, как ручеек в лесу, если в ручейке плавают пираньи. — Это жалкое существо? Князь, вы шутите. У неё даже крылья не растут оттуда, откуда надо.

Я инстинктивно пощупала свои лопатки. Нет, всё как обычно. Крыльев за мной не водилось, даже с утра.

— Объяснитесь, — князь спустился с трона. И вот тут я поняла, насколько он высокий. Метра два, не меньше. Я рядом с ним — как хоббит рядом с эльфом, только без кудрявых ног.

— Я... я сама не знаю, — честно призналась я, продолжая сидеть на полу, потому что ноги не слушались. — Я чихнула. И брошь. И потом воронка. И оливье.

— Она говорит загадками, — скривилась Виола. — Верный признак безумия. Или службы Света.

При слове «Свет» толпа зашумела. Кто-то испуганно перекрестился (крест у них был пятиконечный, я запомнила), кто-то схватился за амулеты.

— Тишина, — князь поднял руку, и шум стих мгновенно. — Женщина. Как вас зовут.

Не спросил, а приказал. Но в его тоне было что-то... Я не знаю. Может, мне просто показалось от шока. Но мне захотелось ответить.

— Лика, — буркнула я. — Лукерья Лопухова. Бухгалтер. Из Москвы. Улица Вавилова, дом восемь, квартира тридцать четыре. Там у меня кот Васька, и его надо кормить, а то он шторы сдерет.

Кто-то в толпе хихикнул. Виола бросила на хихикнувшего такой взгляд, что тот мгновенно заткнулся.

— Бухгалтер? — переспросил князь, нахмутив идеальные брови. — Что означает это слово?

— Человек, который считает чужие деньги, — пояснила я. — И платит налоги. Ну, то есть, вычитает, прибавляет... неважно. Главное, я ничего не украла! И не вторгалась! Меня засосало!

— Засосало? — теперь в голосе князя послышалось любопытство. Он наклонился и поднял с пола... мою брошь!

Когда я летела, брошь выпала из рук. И теперь лежала на мраморе, поблёскивая красным глазом.

— Камень перехода, — тихо сказал князь, повертев брошь в пальцах. — Редкая вещь. Откуда у вас это, Лукерья?

— В переходе купила! — выпалила я. — У цыганки. За сто рублей. Она сказала, что магическая, а я не поверила! Ну, кто в наше время верит в магию? Только дети и бабушки у подъезда!

— В вашем мире не верят, — кивнул князь, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на грусть. — Это печально.

Тут в разговор снова влезла Виола.

— Князь, не отвлекайтесь на бредни этой... особы. Камень перехода — да. Но мог ли он перенести сюда обычную смертную? Нет. Значит, она не просто смертная. Возможно, шпионка Света, притворяющаяся дурочкой.

— Я не притворяюсь, — огрызнулась я, наконец вставая на ноги. — Я диплом бухгалтера могу показать! У меня в сумке! Там ещё паспорт и шоколадка «Алёнка»!

— Сумка осталась в вашем мире, — сухо заметил князь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.